

Самый молодой в ЧССР

В ЛЕНИНГРАДЕ выступает сейчас самый молодой из сценических коллективов Чехословакии — Театр для детей и юношества города Трнавы. Во главе коллектива, созданного в 1974 году, стоит режиссер и драматург Благо Углар. Основу ансамбля составили выпускники высшей театральной школы Братиславы.

За десять сезонов словацкие артисты сыграли около шестидесяти премьер, обращенных к зрителям разных возрастов — от самых маленьких до вполне уже взрослых. Принимали участие в нескольких международных фестивалях. Сегодня на афише театра — Шекспир и Сухово-Кобылин, Брехт, Буриан и Стратиев, произведения современных драматургов Чехословакии и пьесы, родившиеся непосредственно в театре.

Репертуар ленинградских гастролей, проходящих в Театре эстрады, позволяет судить о многообразии поисков молодой словацкой сцены. В Ленинград театр привез три спектакля. Это «Ночь чудес», написанная и поставленная Благо Угларом веселая фантазия для детей младшего возраста, включающая пантомиму и клоунаду. Для зрителей постарше, для юношества играется комедия английской писательницы Эни Джелико «Сноровка» (тоже в постановке главного режиссера театра). Наконец, для взрослого зрителя — «Кавказский меловой круг».

В этой работе режиссер Ондрей Шулай в сценограф Юлиусе Лячке обратился к одному из вершинных созданий Бер-

тольта Брехта, произведению сложному и в постановочном отношении, и в постижении глубинной сути, в овладении языком драматической притчи.

Словацкий театр избирает путь вовсе не простой. Строгая определенность замысла обнаруживается с первых же эпизодов. Кавказский колорит, который и у Брехта воспринимался чистейшей условностью, здесь отсутствует вообще. Обыгрывается откровенная не театральность, случайность даже костюмов и реквизита. Конторские столы и стулья, детская коляска — все идет в ход. Вот два франта (Штефан Очка и Ладислав Кочан) в одинаковых деловых костюмах-тройках и шляпах — они по ходу спектакля выступают то врачами князя, то адвокатами княгини — выразительная пара продажных и циничных дельцов. Со всеми ними взаимодействует постоянно находящийся на сцене Певец (Ярослав Филип), так сказать, организатор, режиссер представления, прочитывающий авторские ремарки, ритмизирующий действие дробным перестукотом барабана.

Избранные авторами принципами сценического решения

осуществлены в спектакле последовательно, хотя и не кажутся бесспорными. Драматургия осмыслена в главном, но сдержанность, приглушенность исполнительской манеры становится местами избыточной, навязчивым делается и подчеркнутый аскетизм сценографии. Во второй половине спектакля история Аздака (Людовит Морвачик), местного писаря, волею обстоятельств занявшего судейское кресло, оказывается менее важной, чем история служанки Груше. Аздаку из словацкого спектакля масштаба личности явно недостает.

Выручает все-таки Груше. Именно она становится эмоциональным стержнем спектакля. Надо отдать должное Жвевте Вейсовой, актрисе сильного лирико-драматического дарования. Вместе с ней в спектакль входит и не перестает звучать голос всепобеждающей человечности. Голос любви. В споре о ребенке, вопреки старой легенде, гуманист Брехт признает истинной матерью не ту, которая родила, а ту, что укрывала, спасла, вырастила. И в нечеловеческих условиях, когда кругом убивают и жгут, топчут и предают все, что ни попадается под руку, и здесь торжествует, несмотря ни на что, все-таки человечность — утверждают пьеса и спектакль.

Евг. АБ